

2. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37-69.

3. Мандрикова, Г.М. Понятия “интеллигент”, “интеллигенция”, “интеллигентность” в русском языковом сознании / Г.М. Мандрикова // Очерки гуманитарных исследований: сб. науч. тр. – Вып. 4. – Барнаул: изд-во Алтайского гос. ун-та, 2006. – С. 105-119.

Н.А. Масленкова

РОЛЬ ЦЕНЗОРА В КОНСТРУИРОВАНИИ СООБЩЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНО КОНТРОЛИРУЕМУЮ ТЕМУ

Самарский государственный университет

Некоторые дискурсы в культуре связаны с вопросами цензуры: секс, насилие, власть. Изначально заданная жесткая нормативность поведения в этих областях заставляет индивида непременно соотносить собственное поведение с системой запретов, которые существуют в данном сообществе, и соответственно выстраивать собственные коммуникативные стратегии. В связи с этим возникает вопрос: каким образом индивид, вторгаясь в сферу запретного, преодолевает барьеры внутренней и внешней цензуры в случае необходимости высказываться на эту тему? Таким образом, интерес к конструированию коммуникации в данном случае связан с проблемой “проговаривания” – порождения текста в коммуникативных практиках. (Под текстом в данном случае подразумевается не целиком действительность, воспринятая как определенным способом структурированная знаковая система, но прежде всего та часть, которая существует как ее вербальная часть, причем как в письменной, так и в устной форме).

Мне кажется, что основная трудность состоит в том, что данные практики проявляются как ритуалы повседневности, то есть индивид реализует некую неосознанную схему поведения. Поэтому целью исследования было прежде всего выявление этих схем через провоцирование такого поведения, когда индивид вынужден публично высказываться на социально контролируемую тему (в нашем случае речь идет о сексуальности).

Разговоры на “запретные” темы будут различаться в разных коммуникативных средах. В данном случае под коммуникативной средой будет пониматься специфика организации коммуникации (время, пространство, участники и т.д.).

Коммуникативная среда “здесь-и-сейчас” предполагает присутствие и отправителя, и получателя сообщения в момент отправления и получения в одном физическом пространстве. В нашем случае это были семинары со студентами (4 курс, физический факультет СамГУ), которым было пред-

должно представить друг другу текст статьи В. Михайлина “Древнегреческая “игривая” культура и европейская порнография Новейшего времени” [1] двумя способами – вербально и графически. Здесь важно отметить несколько моментов. Во-первых, автор статьи затрагивает темы, которые подвергаются в обществе жесткой цензуре, – это гомосексуальность и детский секс. Во-вторых, преподаватель, инициирующий коммуникацию, являлся составляющей контекста коммуникативного события. В ходе занятия преподаватель почти не вмешивался в событие, но присутствовал, наблюдая за ним. В любой момент он мог вмешаться, чтобы либо корректировать композицию происходящего, либо заявить запрет на то или иное действие, в том числе речевое. Таким образом, коммуникативное событие протекало в присутствии цензора, под его непосредственным наблюдением в реальном времени и пространстве.

В результате анализа выяснилось, что поведение гомогендерных и гетерогендерных групп различается. При этом возможны следующие комбинации “отправитель – адресат”. Например, юноши, будучи отправителями, в любом случае и любыми способами избегают разговоров о мужской гомосексуальности, они, как правило, очень стесняются и скованны в движениях. Девушки-адресанты, наоборот, не только методично и обстоятельно раскрывают эту тему, но и в присутствии мальчиков могут, например, “изобразить” – в виде пантомимы – достаточно фривольные сцены. При этом поведение девушек кардинально меняется в случае, если в аудитории мальчики отсутствуют: притом что речь девушек остается достаточно откровенной, движения становятся скованными и неактивными.

Зато в качестве получателей сообщения мальчики ведут себя более вольно. Они могут позволить себе реплики с места, по фривольности сравнимые с девичьими. Но опять же – они позволяют себе это только в отношении девушек. Девушки же делают откровенные замечания в отношении лиц обоего пола.

Речевое поведение участников эксперимента также различается. Все участники, как правило, активно используют эвфемизмы (что вполне предсказуемо) и жесты при обозначении сексуальных действий, органов тела. Но девушки более свободно пользуются специальной лексикой, научными терминами для того, чтобы передать смыслы текста. Так, мальчики, как правило, долго мнутя, “мычат” и не решаются сформулировать высказывание: “ммм... ну это... ну когда они так... ну в общем в этой позиции.. тогда они называются эрастос и, это, эроменос...”. Девушки в данном случае высказываются более точно: “в случае гомосексуальных контактов активный партнер именуется эрастос, а пассивный – эроменос”. Девушки могут употребить словосочетание “анальная позиция”, чем вызывают обычно бурную реакцию и слушающих обоего пола. Эта реакция, несомненно, маркирует нарушение некоего табу, но вынужденное в данном случае условиями занятия и цензором-преподавателем.

Надо отметить, что присутствие преподавателя постоянно подчеркивается участниками процесса, несмотря на то, что сам преподаватель заявляет себя прежде всего как модератора. Студенты постоянно оглядываются на меня, проверяя мою реакцию на ту или иную реплику. Иногда эти взгляды есть не что иное, как просьба разрешить жест или высказывание. В принципе, здесь разворачивается еще один уровень коммуникативного процесса: между контролирующей инстанцией, олицетворяющей общественную норму, и подконтрольной группой, испытывающей нормативные границы. В частности, непременно кто-либо из коммуникантов пытается употребить грубую или обценную лексику. В момент проговаривания коммуникант смотрит на преподавателя, потому что это высказывание предназначено именно ему: говорящий ожидает внешних санкций за нарушение употреблять подобную лексику в публичном пространстве. Обычно я пресекаю эти попытки, подтверждая установленный запрет. Как правило, они больше не повторяются. То же касается и жестов.

И самое интересное: ни одна из групп “не видит” в тексте темы детского секса, эта тема не то чтобы проговаривается – она совсем не прочитывается коммуникантами. Они не понимают данный аспект статьи, хотя он один из основных. Но только до тех пор, пока сам цензор не обратит на нее внимание и тем самым не разрешит говорить об этом. И даже в этом случае студенты повторяют те слова и выражения, которые употребляет сам преподаватель.

Таким образом, присутствие цензора, с одной стороны, является фактором, непосредственно контролирующим протекание коммуникативного процесса, но, с другой стороны, это непосредственное присутствие снимает часть ответственности за соблюдение границ с самих коммуникантов. Эта ответственность как бы делегируется цензору как обладателю самого высокого в аудитории статуса.

Библиографический список

1. Михайлин, В. Древнегреческая “игривая” культура и европейская порнография Новейшего времени / В. Михайлин // Неприкосновенный запас. – 2003. – №3(29). – С. 85-92.